

время, говорить такъ: „Пророка возставлю имъ изъ братьевъ ихъ какъ тебя и дамъ слово Мое въ уста Его, и будетъ говорить имъ согласно тому, что заповѣдаю Ему,—и человѣкъ, который не станетъ слушать, что будетъ говорить Пророкъ Тотъ во имя Мое, Я взыщу съ него“ (Второз. 18, 18—19). Всякій можетъ сказать Іудеямъ, со всею справедливостію укоряя ихъ: о, умѣющіе только не вѣрить! если вы охотнѣе довѣряете словамъ Моисея, такъ какъ ему говорилъ Богъ, то развѣ не подобало дѣлать это и по отношенію ко Христу, Коего вы слышали громко и ясно высказавшимъ: „слова, что Я говорю, не суть Мои, но Пославшаго Меня Отца“ (Іоан. 15, 10. 24),—и опять: „отъ Себя не говорю, но Пославшій Меня Отецъ, Онъ Мнѣ заповѣдь далъ, что скажу и что буду говорить“ (Іоан. 12, 49). Такимъ образомъ слова фарисеевъ были только отговоркою и изобрѣтеніемъ пустыхъ разсужденій. Вѣдь если говорятъ, что потому именно подобаетъ слѣдовать Моисею, что съ нимъ говорилъ Богъ, то почему не думаютъ также и о Христѣ, хотя и Онъ ясно говорилъ только что приведенныя нами слова? Но съ одной стороны цѣня законъ и притворяясь считающими достойною почитанія волю Бога, они съ другой стороны еще хуже нарушаютъ его, безчестя тѣмъ, что не хотятъ принимать болѣе соотвѣтствовавшую времени проповѣдь, которая состояла въ возвѣщеніи о Христѣ какъ о пророкѣ, благодаря Его пришествію съ плотію.

IX, 30. Отвѣща чловѣкъ и рече имъ: о семъ бо дивно есть, яко вы не вѣсте, откуда есть, и отверзе мои очи.

Весьма удивляюсь, говорить, если вы говорите, что не знаете Того, Кто свидѣтельствуется въ столь великой святости и божественномъ всемогуществѣ

посредствомъ Своихъ дѣлъ,—вы, воображающіе себя непрестанно служащими Богу, предстоятели закона, посвятившіе себя священнымъ писаніямъ, облеченные начальствомъ и въ особенности знаніемъ тѣхъ, кто право мыслить. Въ самомъ дѣлѣ, кому же и подобаетъ знать чудотворящихъ при помощи Бога, какъ не приставленнымъ къ священнослуженію, коихъ заботѣ ввѣрено священное таинство? А говоря о себѣ, что пораженъ ихъ полнымъ незнаніемъ Того, Кто совершилъ столь удивительное и чудесное знаменіе, скрытно укоряетъ въ томъ, что они такъ далеко отстоятъ отъ святости и отъ подобающаго благочестія, что не стыдятся признаться въ своемъ совершенномъ незнаніи истинно Святаго, то-есть Христа.

Но для продолженія нашего слова укажемъ на истинность прекраснаго изреченія: „всякое животное любить подобное себѣ, и къ подобному себѣ долженъ привязываться мужъ“ (Сир. 13, 15—16). Какъ же они, если бы были добры и святы, стали отвращаться отъ стремленія привязываться къ Святому и Благому? Такимъ образомъ это изреченіе заключаетъ въ себѣ обличеніе нечестиваго поведенія и жизни фарисеевъ.

Но думаю, что при этомъ указывается и нѣчто другое, такъ какъ любящему устремлять свой умъ къ созерцаніямъ надлежитъ точнѣе изслѣдовать скрывающіяся въ каждомъ изреченіи мысли. Итакъ, что же это? Всю Іудею оглашала большая молва о Спасителѣ нашемъ Христѣ, впрочемъ какъ о пророкѣ (только). Это потому, что законъ предвозвѣстилъ о пришествіи Его въ словахъ: „Пророка возставитъ Господь Богъ нашъ изъ братьевъ твоихъ“ (Второз. 18, 15). Приэтомъ они питали надежду, что явившись въ должное время, онъ сообщитъ имъ нѣчто выше закона и, вполне изъяснивъ истиннѣйшее желаніе за-

конодателя, преподастъ имъ наиболѣе подобающее ученіе. И не удивляйся, если у Іудеевъ была такая надежда и молва, когда и у иноплеменниковъ было распространено такое же точно ожиданіе, какъ это доказываетъ извѣстная женщина Самарянка въ словахъ: „знаемъ, что Мессія грядетъ, называемый Христосъ, когда придетъ Онъ, возвѣститъ намъ все“ (Іоан. 4, 25). Итакъ, Іудеи знали, и очень хорошо, что придетъ Христосъ, ибо это значить Мессія,—и изъяснить имъ лучшую волю Бога, а кромѣ того въ ясномъ изреченіи Исаіи указано, что и откроетъ очи слѣпыхъ, именно: „тогда откроются очи слѣпыхъ“ (Иса. 35, 5). Но и другая молва ходила по Іерусалиму, такъ какъ пророкъ Исаія говоритъ, что неизреченное рожденіе (Сынъ) Бога и Отца совершенно невѣдомо, въ словахъ: „родъ Его кто исповѣдаетъ“ (Иса. 53, 8). А Іудеи опять, извращая смыслъ этихъ словъ по своему разумѣнію, вообразили, что Христосъ будетъ совершенно неизвѣстенъ и вообще никто не будетъ знать, откуда Онъ, хотя божественное писаніе яснѣйшимъ образомъ представляетъ намъ Его рожденіе по плоти и потому восклицаетъ: „вотъ Дѣва во чревѣ будетъ имѣть и родить Сына“ (Иса. 7, 14). А что опять умъ Іудеевъ былъ лишенъ руководства къ воспріятію необходимыхъ истинъ и они предполагали, что Христосъ будетъ неизвѣстенъ, это нетрудно видѣть изъ словъ, кои, по увѣренію Евангелиста Іоанна, Іерусалимляне говорятъ о Немъ: „ибо нѣкіе изъ Іерусалимлянъ говорили: не Сей ли есть, Кого ищутъ убить? и вотъ смѣло говорить, и ничего Ему не говорятъ: неужели истинно узнали начальники, что Сей есть Христосъ? Но Сего мы знаемъ, откуда Онъ, Христосъ же, когда придетъ, никто не узнаетъ, откуда Онъ“ (Іоан. 7, 25—27).

Итакъ, между тѣмъ какъ Іудеи такъ неразумно думаютъ о Христѣ, прежній слѣпецъ уже быстро воспринимаетъ представленіе о Немъ изъ чуда и какъ бы хватаетъ¹ для подкрѣпленія своихъ мыслей изреченіе фарисеевъ, когда говоритъ: „въ томъ есть странность, что не знаете, откуда Онъ, и (а) отверзъ мои очи“. Два, говоритъ, имѣю знаменія, и очень ясныя, того, что Онъ есть Христосъ, именно: вы не знаете, откуда Онъ (первое), но и отверзъ мои очи (второе). Слѣдовательно ясно, что Сей есть Самъ Предвозвѣщаемый закономъ и Свидѣтельствуемый гласомъ пророковъ.

IX, 31. Въмы, яко грѣшники Богъ не послушаетъ, но аще кто богочецъ есть и волю Его творитъ, того послушаетъ.

Насмѣявшись нѣкоторымъ образомъ надъ ними посредствомъ предуказаній пророческихъ и закона, какъ бы уже совершившихся въ томъ, что они не знаютъ, откуда Христосъ, хотя и отверсты очи слѣпыхъ, онъ изъ желанія имѣть всестороннія основанія для своей вѣры присоединяетъ еще и нѣчто другое. Представляетъ себя идущимъ отъ необходимыхъ и общепризнанныхъ положеній къ изысканію нужнаго и должнаго и приводитъ какъ бы нѣкое благочестивое умозаключеніе. Весьма прекрасно и здравомысленно онъ утверждаетъ, что любящій правду и добродѣтель Богъ не внемлетъ никогда грѣхлюбцамъ,—и, полагая это въ качествѣ безспорно и всѣми признаемаго, противопоставляетъ противоположную мысль какъ истинную и никоимъ образомъ не опровержимую, то есть, что Господь всяческихъ всенепремѣнно внемлетъ чителямъ Бога. Такимъ образомъ хотя цѣль умозаключенія имѣетъ въ виду одного только Христа, оно вы-

ражено въ общемъ видѣ и имѣеть всеобщее значеніе. Вѣдь я уже указалъ ранѣе на то, что прежній слѣпецъ имѣеть о Христѣ болѣе земное представленіе и, еще не зная въ Немъ истиннаго Бога по природѣ, мыслить и говорить о Немъ какъ о пророкѣ, коего безспорно можно называть чителемъ Бога. Но Христу это совсѣмъ не подобаешь, ибо Онъ есть Богъ по природѣ, приѣмлющій отъ читателей Бога служеніе какъ бы въ качествѣ жертвы духовной.

ИХ. 32. Отъ вѣка нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпцу рождену.

Не мало, какъ кажется, раздраженный и сильно скорбя, опечаленный порицаніями за Христа, такъ какъ они какъ бы съ порицаніемъ говорили: „ты ученикъ Того, мы же Моисея ученики“ (ст. 28),—старается защитить своего Наставника и дѣяніямъ Моисея нѣкоторымъ образомъ противопоставляетъ славныя дѣла Спасителя нашего, являя Его настолько же высшимъ (Моисея), насколько Онъ болѣе великъ (предъ Моисеемъ) въ чудотвореніи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не необходимо Совершителю большаго и быть высимъ по славѣ? Это конечно безспорно. А вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ кажется, указываетъ и на исполненіе съ пришествіемъ Христа предсказаній древнѣйшаго пророчества: „тогда, сказано, отверзутся очи слѣпцовъ“ (Иса. 35, 3), ибо никто еще прежде ничего такого не сдѣлалъ и не прославленъ за это, но исполняется это чрезъ Одного только Того, Кого вы, не знаю почему, не постѣснились называть грѣшникомъ. Хотя многочисленный явился хоръ пророковъ и безчисленное множество праведниковъ указано въ священномъ писаніи, но „отъ вѣка не было слышно, чтобы отверзъ кто глаза слѣпцомъ рожденнаго (слѣпца отъ рожде-

нія)“. Поэтому не есть ли это Христосъ, принесшій исполненіе пророческимъ предуказаніямъ, приводящій къ осуществленію нѣкогда возвѣщенное? Вѣдь если никто другой кромѣ Него не отверзаетъ глаза слѣпыхъ, то что же наконецъ въ состояніи противодѣйствовать вѣрѣ? Что можетъ отвратить признаніе Его? Или, съ устраненіемъ всякаго сомнѣнія, таинство познанія Его развѣ не должно пойти какъ бы скорымъ шествіемъ по гладкой дорогѣ?

Такимъ образомъ и въ этихъ словахъ исцѣленный защищаетъ Спасителя Христа. Замѣть, какъ благородно и искусно составляетъ свое защитительное слово. Безъ всякаго конечно сомнѣнія было дѣломъ превеликой смѣлости сказать, что Христосъ выше и славнѣе и Моисея и пророковъ. Но не бесполезно было подумать и о томъ, что, разсердившись на это, фарисеи коварно представятся ратующими за святыхъ, какъ оскорбленныхъ (этими словами) и попытаются найти здѣсь благовидный предлогъ для наказанія этого человѣка, чтобы онъ, живой и всѣми видимый, не являлся напоминаніемъ Христовой славы и какъ бы образомъ нѣкимъ присущей Ему божественной власти. Вотъ поэтому то, отклоняя (могшій возникнуть у фарисеевъ) изъ за этого гнѣвъ и преграждая дальнѣйшій путь ихъ убійственнымъ замысламъ, онъ и выражаетъ смыслъ своей рѣчи вообще и не вполне ясно, говоря, что отъ вѣка нѣмъ вообще не совершено того, что содѣлалъ Христосъ надъ нимъ. А это было ничѣмъ инымъ, какъ указаніемъ на то, что Христосъ выше и славнѣе всѣхъ, Своими дѣлами являющій такую присущую Ему силу и всемогущество, какою не владѣлъ никто изъ святыхъ никогда. Такимъ образомъ онъ увѣнчиваетъ своего Врача превосходствомъ надъ всѣми, взявъ въ доказательство

невозможное и недоступное другимъ чудо, то есть удаление слѣпоты.

IX. 33. Аще не бы былъ Сей отъ Бога, не могъ бы творити ничесоже.

Только что прозрѣвшій и чудесно освобожденный отъ изначальной слѣпоты оказывается прозрѣвающимъ истину яснѣе, чѣмъ наученные закономъ. Вотъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ пользуется весьма многими словами и мудрыми для доказательства лживости мнѣнія фариисеевъ. Такъ какъ они безумно сказали о Христѣ, что „Сего не знаемъ, откуда Онъ“ (ст. 29), то опять сильно изобличаетъ ихъ, какъ думающихъ ошибочно, если говорятъ, что совсѣмъ не знаютъ такого Чудотворца, тогда какъ для всѣхъ очевидно, что тому, кто не отъ Бога, невозможно дѣлать что либо изъ совершаемаго посредствомъ божественной силы. Таковыя дѣла Богъ совершаетъ чрезъ однихъ только святыхъ. А чуждому святости и еще не достигшему до благочестія къ Нему Онъ никогда не сообщилъ бы возможности украшаться такою славою. Въ противномъ случаѣ пусть явится и отвѣтитъ безумный фариисей: какое же наконецъ есть различіе у Бога между святымъ и нечистымъ, праведнымъ и грѣшнымъ, нечестивымъ и боголюбезнымъ. Вѣдь если тому и другому дозволено блистать совершенно одинаковыми дѣлами, безъ всякаго различія, то все уже смѣшивается и мы справедливо можемъ сказать написанное: „За что достаточно (достойно) будемъ работать Ему, или что за польза, чтобы идти на встрѣчу Ему“? (Пов, 21, 15). Вѣдь если, какъ сказалъ одинъ изъ эллинскихъ поэтовъ, „равная участь и остающемуся въ покоѣ и тому, кто будетъ воевать“ (Иліада, пѣснь IX ст. 318), и въ одинаковой чести какъ дурной такъ и хорошій.

то развѣ не напрасно будетъ испытывать горькіе труды ради добродѣтели? Но мы должны думать, что это не такъ. Почему? „Ибо прославляющихъ Меня, говоритъ Богъ, прославлю и уничижающій Меня уничиженъ будетъ“ (1 Цар. 2, 30)

Спросилъ бы я также суемудрыхъ фариисевъ: если Богъ дѣйствуетъ это безразлично и чрезъ грѣшниковъ, то почему Египетскіе маги не сдѣлали того же самаго, что и великій Моисей? Почему не совершили одинаковыхъ съ нимъ чудесъ и не получили равной съ нимъ славы? Но скажешь, что сдѣлался змѣемъ упавшій на землю жезлъ Моисеевъ, совершенно такими же стали и жезлы маговъ. Противъ этого вотъ что выслушай отъ насъ: ихніе жезлы не въ змѣя превратились, но то былъ обманъ и призракъ, отъ человѣческаго зрѣнія скрывавшій дѣйствительность,—нѣкое волшебное искусство, дававшее жезлу видъ змѣя. А Моисеевъ жезлъ дѣйствительно превратился въ змѣя и перешелъ въ природу звѣря. Истину сказаннаго можешь усматривать въ томъ различіи, какое здѣсь дано Писаніемъ: жезлъ Моисеевъ сѣлъ жезлы маговъ. Такъ какъ эти послѣдніе имѣли лишь внѣшній видъ змѣй, а первый дѣйствительно и по природѣ былъ тѣмъ, чѣмъ являлся, то онъ пришелъ въ гнѣвъ, такъ что оказался животнымъ, а уже не жезломъ, и неизреченною, превышающею силу змѣя, силою поѣдаетъ, каковое чудо совершилъ Богъ. И еще пусть отвѣчаетъ мнѣ фариисей: придавшіе своимъ жезламъ видъ змѣй, почему же не показали чистой и прокаженную руку, но, оказавшись не въ силахъ (сдѣлать это), ясно сказали: „перстъ Божій есть это“. (Исх. 8, 19). Почему, скажи мнѣ, жрецы Ваалавы не низвели огонь съ неба, между тѣмъ какъ Илія низвелъ? (3 Цар. 18, 24. 38). Неужели Богъ лицепріятенъ?

Отнюдь нѣтъ. Будучи праведенъ и любя праведныхъ, Онъ и чудесные дары совершаетъ чрезъ святыхъ, но отнюдь не чрезъ грѣшниковъ. Такимъ образомъ прежній слѣпецъ со всею основательностію останавливаетъ наглость рѣчи фарисеевъ и обличаетъ ихъ въ ошибочномъ разсужденіи, если говорятъ, что не отъ Бога Тотъ, Кто посредствомъ силы совершать чудеса свидѣтельствуется какъ сущій по природѣ отъ Бога.

IX. 34. Отвѣща и рѣша ему: во грѣсѣхъ ты родился еси весь, и ты ли учиши ны? И изгнаша его вонъ.

Непріятны для многихъ раны отъ обличеній и исправленіе посредствомъ нихъ. Они легки и пріятны для мудрецовъ, такъ какъ заключаютъ въ себѣ великую пользу и возведеніе къ лучшему, хотя и соединяются съ угрызениемъ (совѣсти). Но горьки для грѣхоблюбцевъ, — по какой причинѣ? Предавшись своею душею дурнымъ удовольствіямъ, они отвращаются отъ терзающаго ихъ за это и непріятнаго вразумленія (совѣсти) и считаютъ вредомъ удаленіе отъ пріятнаго, не обращая никакого вниманія на предметы полезные. Какъ упавшіе съ корабля и захваченные воднымъ теченіемъ не въ состояніи бываютъ противиться и, считая опаснымъ плыть противъ воды, несутся однимъ только воднымъ теченіемъ: такимъ же, думаю, образомъ и эти, о коихъ у насъ сейчасъ была рѣчь, побѣждаемые владычествомъ собственныхъ страстей, снимаютъ съ нихъ всякую узду, отказываясь противодѣйствовать имъ въ чемъ либо. Поэтому то и негодуютъ жалкіе фарисеи и, звѣроподобно скрежеща на совѣтника добра, охотно открываютъ доступъ гнѣву и, дойдя до крайняго безумія, неудержно бранятъ: отдаваясь обычной своей надменности, они говорятъ, что слѣпецъ во грѣхахъ рожденъ, руководясь

здѣсь ребяческими іудейскими мнѣніями и невѣжественно слѣдуя несостоятельному ученію. Что никто изъ людей ни ради себя самого собственно, ни ради своихъ родителей не рождается или слѣпымъ или съ другимъ какимъ тѣлеснымъ порокомъ, а также, что Богъ не налагаетъ грѣхи родителей на дѣтей, это какъ мнѣ кажется, мы уже всесторонне и въ обширномъ разсужденіи доказали, когда толковали изреченіе: „Учитель! Кто согрѣшилъ, сей, или родители его, что слѣпымъ родился?“ (Іоан. 9, 3).

Итакъ, за то, что прежній слѣпецъ смогъ обличать фарисеевъ, онъ не только подвергается порицанію, но и изгоняется отъ нихъ. И это событіе принимай опять какъ образъ истиннаго предмета. Указаніе на то, что Израильтяне будутъ питать отвращеніе къ язычникамъ, какъ воспитаннымъ въ грѣхахъ по причинѣ предшествовавшаго обмана, каждый можетъ видѣть въ словахъ, сказанныхъ ему фарисеями. А изгоняютъ его потому, что отвержены и изгнаны у Іудеевъ проповѣдники ученія о Христѣ.

ІХ. 35. Услыша Іисусъ, яко изгнаша его вонъ.

„Услыхалъ“, говоритъ божественный Евангелистъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ не такъ, чтобы имѣлъ необходимость въ сообщеніи Ему къмъ либо, но потому, что, какъ сказалъ гдѣ то одинъ изъ премудрыхъ, „Духъ Господень наполнилъ вселенную и ухомъ слуха слышитъ все“ (Прем. Сол. 7, 10), ибо Онъ слышитъ, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ: „возрастившій ухо неужели не слышитъ? и образовавшій глазъ неужели не разумѣетъ?“ (Псал. 93, 9). Поэтому, когда мы ради Него подвергаемъся обидамъ или переносимъ какую либо скорбь отъ богопротивниковъ, слѣдуетъ вѣрить, что Богъ безъ сомнѣнія будетъ зрителемъ

сего и слышитъ приключающееся намъ испытаніе, ибо такова самая природа предмета и поношеніе ради Него Его истинныхъ послѣдователей громкимъ воплемъ раздается въ божественныхъ ушахъ.

IX. 35. И обратѣ его рече ему: ты вступиши ли въ Сына Божія? ¹⁾

Прежній слѣпецъ изгоняется фарисеями, но по прощевіи недолгаго времени находитъ его Христосъ и „найдя“ тайновѣдствуетъ. Итакъ, и это должно служить намъ знаменіемъ того, что въ попеченіи у Бога находятся тѣ, что желаютъ защищать Его и не боятся подвергаться опасностямъ за вѣру въ Него. Въ самомъ дѣлѣ, ты слышишь, какъ въ качествѣ какъ бы хорошаго вознагражденія, явивъ Себя ему, старается насадить въ немъ совершеннѣйшее ученіе о вѣрѣ ²⁾. Присоединяетъ и вопросъ, дабы получить согласіе, ибо таковъ образъ вѣры. Поэтому и приступающимъ къ божественному крещенію предлагается вопросъ: вѣруютъ ли они,—а потомъ, когда выскажутъ это и исповѣдуютъ, мы уже приобщаемъ ихъ къ благодати, какъ своихъ истинно вѣрующихъ. Образъ этого такимъ образомъ ведетъ свое начало отсюда и отъ самого Спасителя нашего Христа мы научились тому, какимъ образомъ надо вести рѣчь о вѣрѣ. Поэтому и божественный Павелъ утверждаетъ, что онъ высказываетъ свое исповѣданіе въ этомъ предъ многими свидѣтелями, то-есть святыми ангелами. И если страшно сказать ложь предъ святыми ангелами, то не тѣмъ ли болѣе предъ самимъ Христомъ?

¹⁾ τοῦ Θεοῦ AL др. 1, 33 и пр. мин. Ит Вг Копт Сир пеш іер геракл Гот Арм Эѳіоп Platt. Злат Терт. Adv, Прах. с. 22 Гил. 895 а и 911 б и Слав Др: τοῦ ἀνθρώπου SBD (и лат d) Саг Эѳіоп Rom. Сир. син Злат рки.

²⁾ Въмѣсто λόγον др. чт: λόγον—влеченіе къ вѣрѣ.

Но спрашиваетъ прежняго слѣпца не просто только о томъ, желаетъ ли онъ *вѣровать*, но и прибавляетъ, *въ кого* ибо вѣра „въ Сына Божія“—не какъ въ челоуѣка, одного изъ насъ подобныхъ, но какъ въ Бога вочеловѣчившагося, ибо въ этомъ состоитъ полнота таинства о Христѣ. А говоря: „ты *въруешь* ли“, говоритъ какъ бы такъ: желаешь ли быть выше безумія тѣхъ? ты, простившись съ невѣріемъ тѣхъ, приѣмли вѣру; ибо это „ты“ вноситъ именно подобное сему противопоставленію по отношенію къ другимъ.

IX. 36. И кто есть, Господи, да върую въ Него ¹⁾.

Мудрымъ размышленіемъ предуготовленная душа и свободными очами ума изслѣдующая ученіе истины безпрепятственно входитъ въ нее какъ бы въ пристань и открываетъ легкій входъ всему полезному. Доказательствомъ сказаннаго будетъ опять прежній слѣпецъ. Посредствомъ многихъ уже умозаключеній и разсужденій дойдя до благоговѣнія предъ таинствомъ о Христѣ и пораженный неизреченною Его силою,—изъ того, что не другой кто, но самъ онъ на себѣ испыталъ, такимъ образомъ оказывается готовымъ вѣровать и безъ замедленія идущимъ къ этому, ибо вотъ спрашиваетъ, кому должно посвятить уже предуготованную въ немъ вѣру. Вѣдь только этого одного не доставало ему, предуготовленному къ этому, какъ мы сказали.

IX. 37. И рече Иисусъ: и видѣлъ еси Его, и Глаголяй съ тобою, Той есть.

Спрошенный о томъ, въ кого надлежитъ увѣровать, Христосъ указываетъ на Себя и не просто говоритъ:

¹⁾ Опускаетъ слова: „*отвѣща онъ и рече*“, которыя читаютъ всѣ слав. согл. ND др. мн. Но В оп. *ἀπεκρίθη, ἐκεῖνος καὶ εἶπεν*, а А оп. первое: *ἀπεκρίθη, ἐκεῖνος*. Сир сир: *сказалъ Ему исцѣленный: кто...*

„Я говорящій“, но называетъ Сына Божія и видимымъ и говорящимъ, постоянно заботясь о нашей пользѣ и представляя разнообразныя пособія для непреложной и истинной вѣры, чтобы, считая себя благочестивыми, мы не впали въ сѣти и силки діавольскія и безразсудно не отвратили истину таинства. Вѣдь нѣкоторые изъ считающихся христіанами, не уразумѣвъ точно цѣль домостроенія съ плотью, уже дерзнули отдѣлить отъ Слова (Логоса) Божія храмъ, принятый ради насъ отъ жены, и единого и истиннаго Сына раздѣлили на двухъ сыновъ. По великому безумію почитаютъ, кажется, недостойнымъ признавать, что сталъ человѣкомъ Единородный, — то-есть то, что Онъ не почелъ недостойнымъ сдѣлать ради насъ; ибо Онъ „въ образѣ Бога существуя“, по написанному (Филип. 2, 6. 7), „не похищеніемъ почиталъ быть равнымъ Богу, но Себя уничижилъ образъ раба принявъ“, чтобы быть подобнымъ намъ человѣкомъ, но очевидно безъ грѣха. Они же думаютъ нелѣпо и вопреки нѣкоторымъ образомъ божественному и человѣколюбивому Совѣту удаляютъ изъ истиннаго сыновства, насколько это касается ихъ собственныхъ мыслей, принятый отъ жены храмъ и не допускаютъ униженія, но придумываютъ уклоняющуюся отъ истины славу и говорятъ, что другой есть отъ Бога Отца Единородный Сынъ, то-есть изъ сущности Его рожденное Слово, и другой опять — сынъ отъ жены. Потомъ: если богодухновенное писаніе проповѣдуетъ единого Сына и Христа, то развѣ не преисполнены всякаго нечестія тѣ, кои раздѣляютъ на двухъ единого и истиннаго Сына? Вѣдь поскольку Онъ есть Богъ Слово, Онъ мыслится другимъ сравнительно съ плотью; по скольку же Онъ есть плоть, Онъ мыслится какъ нѣчто другое сравнительно съ Словомъ; но поскольку

сущее изъ Бога Отца Слово стало человѣкомъ, должно совершенно упраздниться это „другой и другой“, благодаря неизреченному единенію и соитію. Одинъ и единствененъ Сынъ и прежде сочетанія съ плотью и когда соединился съ плотью. И благодаря плоти называемъ Его всецѣлымъ человѣкомъ, то-есть состоящимъ изъ души и тѣла.

Вотъ по этой то причинѣ на вопросъ: „кто есть Сынъ Божій“, Господь опять весьма благоусмотрительно не сказалъ: „Я“, ибо въ такомъ случаѣ нѣкоторые, какъ кажется, неразумно могли предполагать, что этимъ указывается на единое Слово, явившееся отъ Бога и Отца. Но, устраняя всякій предлогъ для сомнѣнія, сначала указалъ на Себя словами: „и видѣлъ ты Его“,—а потомъ рядомъ съ этимъ указываетъ и на Само, вселившееся въ плоти, Слово чрезъ присоединеніе еще словъ: „и Говорящій съ тобою, Онъ есть“. Видишь отсюда, какое единство имѣетъ Слово. Не положилъ различія, но Себя Самого называетъ и (человѣкомъ) подлежащимъ тѣлеснымъ глазамъ и (Словомъ) познаваемымъ изъ слова. Поэтому въ высшей степени невѣжественно и нечестиво, когда нѣкоторые необдуманно говорятъ: „человѣкъ Христа“, ибо, будучи Богомъ, Онъ сталъ человѣкомъ нераздѣльнымъ, поскольку Онъ есть Богъ и съ плотію. Въ этомъ именно состоитъ совершеннѣйшее исповѣданіе вѣры въ Него и познаніе.

IX. 38. Онъ же рече: вѣрую, Господи. И поклонися Ему ¹⁾).

Скорѣ къ исповѣданію вѣры и горячѣ къ благочестію прежній слѣпецъ. Какъ только узналъ, что присутствующій и видимый есть истинный Сынъ Единого

¹⁾ Сир. син. добавляетъ: „и почтилъ Его“.

родный, онъ „поклонился“ Ему какъ Богу. Хотя и видѣлъ Его во плоти, не имѣющимъ истинно божественной славы, но, просвѣщенный въ сердцѣ присущео Ему силою и властію, соотвѣтственно этому, возвышается до мудрыхъ и хорошихъ мыслей и представляетъ въ своемъ воображеніи красоту божественной Его и неизреченной природы. Вѣдь не „поклонился“ бы какъ Богу, если бы не увѣровалъ, что Онъ—Богъ, руководствуемый къ такой мысли бывшимъ съ Нимъ и дивно совершеннымъ чудомъ.

Но такъ какъ все это событіе съ нимъ мы примѣняемъ къ язычникамъ, то намъ слѣдуетъ сказать опять и объ этомъ. Замѣть, что онъ представляетъ своимъ поклоненіемъ образъ духовнаго богослуженія, къ коему руководимы были язычники чрезъ вѣру. Израилю, по уставу Моисеева закона, было обычно служить Господу всяческихъ жертвами воловъ, куреніемъ ладона и принесеніемъ другихъ животныхъ. А увѣровавшіе изъ язычниковъ не знаютъ такого образа богопочтенія, но совершали другое, духовное, которое Богъ и называетъ особенно любезнымъ и пріятнымъ Себѣ. „Не ѣмъ“, говоритъ, „мяса воловъ, но и кровь козловъ не пью“ (Псал. 69, 13). Напротивъ, повелѣваетъ намъ приносить „жертву хваленія“ (ст. 14), тоестъ поклоненіе съ пѣснопѣніемъ, о которомъ Псалмопѣвецъ, прозрѣвъ чрезъ Святаго Духа, говоритъ, что до него дойдутъ язычники чрезъ вѣру, какъ бы обращая рѣчь къ Господу нашему и Спасителю: „вся земля (во всей землѣ) да поклонится (поклонятся) Тебѣ, да поетъ (поютъ) же имени Твоему“ (Псал. 65, 4). Но и Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, показуя превосходство духовнаго богослуженія предъ законнымъ, говоритъ къ Самарянской женщинѣ: „вѣрь Мнѣ, жена, что грядетъ часъ, когда ни на горѣ

сей, ни въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу; но грядетъ часъ и нынѣ есть, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо и Отецъ—таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему: Духъ—Богъ, и поклоняющимся Ему—въ духѣ и истинѣ должно поклоняться“ (Іоан. 4, 21—24). А размышляя правильно, приходимъ къ такому заключенію, что и святые ангелы отличаются такимъ же служеніемъ Богу и какъ бы нѣкое духовное копѣношеніе приносятъ Богу поклоненіе. Такъ Духъ, когда повелѣваетъ небожителямъ воздавать Первородному и Единородному божескую честь, говоритъ: „и да поклонятся Ему всѣ ангелы Божіи“ (Второз. 32, 43). Но и божественный Псалмопѣвецъ призываетъ насъ къ этому въ словахъ: „придите, поклонимся и припадемъ Ему“ (Псал. 94, 6). Не трудно бы было говорить объ этомъ много и долго. Но, полагая подобающую мѣру слову, воздержимся въ настоящій разъ отъ приведенія изреченій Писанія. Впрочемъ напомнимъ еще о томъ, что прежній слѣпецъ прекрасно выполнялъ образъ богослуженія язычниковъ, полагая поклоненіе рядомъ съ исповѣданіемъ вѣры.

IX. 39. И рече Іисусъ: на судъ Азъ въ міръ сей приидохъ, да невидящїи видятъ, и видящїи слѣпы будутъ.

Изъясняя намъ причину Своего явленія въ этомъ мірѣ, Христосъ говоритъ словами Исаи: „Духъ Господень на Мнѣ, Коего ради помазалъ Меня, благовѣстити нищимъ послалъ Меня, проповѣдать плѣннымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе“ (Иса. 61, 1). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Глухіе услышьте и слѣпые прозрите (чтобы) видѣть“ (Иса. 62, 18). Если такимъ образомъ высказываетъ, что Онъ рукоположенъ Отцомъ и Богомъ ради той причины, чтобы про-